

человека важнее, чем принцип разумной выгоды, который основывается на требованиях реальной действительности. Позитивистское, утилитаристское мировоззрение, судя по всему, представляется Салтыкову развитием олицетворенного ранее в Нагибине рационализма гегельянского толка, и он отказывается принять его. Устами молодого человека Салтыков советует его друзьям: «Нужно действовать, как можно больше действовать! Но я хочу, чтобы каждому оставили полную свободу жить, как он понимает, а не навязывались с своими теориями, которые только раздражают. Я иду за вами следом в отрицании идолов, но поступаю откровеннее вас, потому что *не хочу ровно никакого идола, даже... идола пользы*» (Салтыков-Щедрин, I, 324. — Курсив наш. — Р. Н.). Знаменательно, что здесь предвосхищена основная тема «Записок из подполья» Достоевского — борьба с идолами, причем борьба идет не только с романтическим и идеалистическим мироощущением, но и с позитивизмом и утилитаризмом *в равной степени*. Реалист и прагматик, Салтыков отвергает аргументацию утилитаристских теорий и снова рекомендует «философию действия», хотя рекомендация эта неясно выражена и разработана не до конца. Создается впечатление, что Достоевский ответил на вызов молодого человека (т. е. самого Салтыкова) и показал в «Записках из подполья», к каким последствиям приводит мировоззрение, основанное исключительно на личных пристрастиях и устремлениях.

* * *

Существование параллелей и перекличек между ранними произведениями Салтыкова и повестями Достоевского (особенно его «Записками из подполья») можно отчасти объяснить знакомством каждого из них с произведениями другого.¹⁹ Многие параллели можно считать совпадениями, имеющими общий источник — идейную и литературную обстановку 1840-х годов. Подобные же параллели обнаруживаются между «Записками из подполья» Достоевского и созданными в те же годы произведениями Белинского, Герцена, Тургенева и Ап. Григорьева.²⁰ В то же время сравнительное изучение рассказов Салтыкова 1840-х годов и «Записок из подполья» показывает, что корни повести, созданной Достоевским в 1864 г., уходят в глубь идейных исканий и течений предыдущих десятилетий. Таким образом, мы получаем более широкую историческую перспективу, которая позволяет точнее определить место «Записок из подполья» в идейном и литературном развитии эпохи.

¹⁹ Следует, однако, повторить, что Достоевскому вряд ли мог быть известен «Брусин», который оставался неопубликованным при жизни Салтыкова.

²⁰ См. мою работу: Neuhäuser R. Romanticism in the Post-Romantic Age: A Typological Study of Antecedents of Dostoevskii's Man from Underground. — Canadian-American Slavic Studies, 1974, № 3; а также: Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева. (Тургенев и Достоевский). — Русская литература, 1968, № 4.

И. А. ВИТЮГОВА

РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ДОСТОЕВСКОГО

В воспоминаниях метранпажа типографии М. А. Александрова сохранилось не вполне раскрытое высказывание Достоевского о герое его романа «Идиот». «Однажды в разговоре, — пишет М. А. Александров, — коснулись И. А. Гончарова, и я с большою похвалою отозвался об его „Обломове“, Федор Михайлович соглашался, что „Обломов“ хорош, но заметил мне:

— А мой идиот ведь тоже Обломов.

— Как это, Федор Михайлович? — спросил было я, но тотчас спохватился. — Ах да! ведь в обоих романах герои — идиоты.

— Ну да! Только мой идиот лучше гончаровского... Гончаровский идиот — мелкий, в нем много мещанства, а мой идиот — благороден, возвышен».¹

Устное суждение Достоевского о взаимосвязи образов Мышкина и Обломова дополняют трижды встречающиеся в черновиках писателя упоминания «Сна Обломова». В подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию» второй половины 1865—начала 1866 г. несколько раз обозначено видение Христа, которое посещает Раскольников перед его признанием Соне, восстановлением (7, 77 и 139). Среди февральских «Nota bene к роману» намечалось: «Глава „Христос“ (как «Сон Обломова») кончается пожаром. После пожара он пришел с ней проститься. „Нет, я еще не готов, я полон гордости и фальши; я только что начинаю весь процесс переделки...“» (7, 166). О сне, похожем в каком-то отношении на обломовский, рассказывает в порыве доверчивости Воспитанице и мизантропически настроенный Племянник, герой «Плана для рассказа (в «Зарю»)», набросок которого был сделан в феврале—первой половине марта 1869 г.: «Она

¹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах. — Русская старина, 1892, № 5, с. 308.

с ним робка, он ее поразил трагичностью своих приемов, но возбудил симпатию, прогулки (сон Обломова, полная доверчивость)» (9, 117). 16 (28) февраля 1870 г. Достоевский задумал не лишенный автобиографизма роман о старом писателе, страдающем от эпилептических припадков, нужды и заносчивости его богатых сотоварищей по литературному труду. Замысел завершила запись: «NB. О скоротечности жизни и рассказы — поэтическое представление вроде „Сна Обломова“, о Христе (и про себя потом: это стоит по 200 руб. с листа, а я им даром, а они думают, что мне благодетельствуют). О направлениях и идеях, бывших в литературе» (12, 5).

Возникают вопросы: что родственного Достоевский находил между Обломовым и своим «положительно прекрасным человеком» (П., II, 71), почему «Сон Обломова» он избирал поэтическим образцом повествования о видении Христа, которое способствовало душевному перелому, происходящему в Раскольникове? Ответы на эти вопросы сложны, так как отношение Достоевского к Гончарову, роману «Обломов» и его герою очень противоречиво. В Гончарове как человеке Достоевскому чужды холодная уравновешенность, бесстрашие, но он признает его «блестящий талант» (см. письмо его к А. Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г.: П., I, 199).

Различны и общественно-эстетические воззрения писателей. Относя Гончарова, как Тургенева и Л. Толстого, к писателям, изображающим преимущественно отстоявшуюся жизнь «средневысшего» дворянского круга, Достоевский ощущал себя представителем «переходной» эпохи, в задачу которого входило улавливание быстро меняющейся, «текущей» жизни во всех ее разнообразных, порой крайних проявлениях. Особенно остро он осознал это, работая над «Идиотом». «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), — писал он П. Н. Страхову 26 февраля (10 марта) 1869 г., — и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив». Как пример недостаточно глубокого проникновения в русский характер, повторения старого приводился Райский из романа Гончарова «Обрыв». И далее, подчеркивая принципиальное отличие своего героя от тургеневского и гончаровского, Достоевский восклицал: «Неужели фантастичный мой Идиот не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества, — слоях, которые в действительности становятся фантастичными» (П., II, 169—170). В черновиках «Подружка» Версилов, говоря о современной литературе, упоминает уже непосредственно Обломова (наряду с Чацким и Печориным) как пример некоторой огрубленности типа, свидетельство того, что многое действительно ускользнуло.

О том же своем намерении погрузиться в «текущую действительность», ближе подойти к молодому поколению в противовес Гончарову, живущему старыми идеалами, рассказывал Достоевский и в письме к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. (П., III, 206). В свою очередь Гончаров в переписке с Достоевским, завязавшейся между писателями в 1874 г. по поводу публикации в сборнике «Складчина» «Маленьких картинок» Достоевского, отстаивал свое понятие литературного типа, который «слагается из долгих и многих повторений или наслоений явлений и лиц — где подобия тех и других учащаются в течение времени и наконец устанавливаются, застыивают».² Это различие в эстетических взглядах обуславливает и своеобразие художественных структур образов Мышкина и Обломова: один из них — исключительная личность, синтетически воплощающая нарождающиеся тогда в России и в то же время общечеловеческие стремления к будущей гармонии, другой — индивидуализированный образ, в котором подводится итог развившимся до предела коренным свойствам, характерным для нескольких поколений русского дворянства.

Отношение Достоевского к роману «Обломов» резко менялось, на первый взгляд некоторые оценки как бы взаимоисключают друг друга. Из воспоминаний врача С. Д. Яновского, особенно близкого к Достоевскому в 1840-е годы, известно, что начинающий писатель, наряду со стихотворениями Пушкина и Лермонтова, «Записками охотника», которые «ставил очень высоко», отзывался «чрезвычайно уважительно» о немногочисленных тогда произведениях Гончарова, а напечатанную в 1849 г. в «Литературном сборнике с иллюстрациями» задолго до появления романа в целом главу «Сон Обломова» цитировал с увлечением.³ Когда же в 1859 г. роман был опубликован в первых четырех номерах «Отечественных записок», Достоевский в письме к брату М. М. Достоевскому от 9 мая 1859 г. называет его «отвратительным» (П., I, 246). Однако много лет спустя в письме к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г. он ставит «Обломова» «по силе» в один ряд с «Мертвыми душами», «Дворянским гнездом» и «Войной и миром» (П., II, 251). В «Записной книжке» 1864—1865 гг. содержится сугубо отрицательная характеристика Обломова: «Обломов. Русский человек много и часто грешит против любви; но и первый страдалец за это от себя. Он палач себя за это. Это самое характеристичное свойство русского человека. Обломову же было бы только мягко — это только лентяй, да еще вдобавок эгоист. Это даже и не русский человек. Это продукт петербургский. Он лентяй и барич, но и барич-то уже не рус-

² Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Игр., 1923, с. 17.

³ Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском. — Русский вестник, 1885, № 4, с. 805.

ский, а петербургский».⁴ Но противоположное определение образа, в котором находится и ключ к пониманию сравнения Мышкина с Обломовым, Достоевский дает в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2). Рассуждая о народных типах и вспомнив Обломова и Лаврецкого из «Дворянского гнезда»; Достоевский пишет: «Тут, конечно, не народ, но всё, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, — всё это оттого, что они в них соприкоснулись с народом; это соприкосновение с народом придало им необычайные силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (XI, 185). В апрельском же выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2) Достоевский, отстаивая от В. Г. Авсеенко литературу 1840-х годов, вновь говорит о том, что «лучший» из романа Гончарова эпизод «Соц Обломова» в свое время «с восхищением прочла вся Россия» (XI, 249).

Более широкое толкование последних положений Достоевского можно найти в статьях Ап. Григорьева, разделявшего с ним «почвеннические» убеждения. Критические претензии Ап. Григорьева к гончаровскому роману отчасти объясняют и противоречия оценок Достоевского. Такое обращение к критике Ап. Григорьева тем более правомерно, что Достоевский открыто солидаризовался с ним в отношении к роману Гончарова «Обломов». В августовской книге «Эпохи» за 1864 г. была опубликована некрологическая статья Д. В. Аверкиева, посвященная Ап. Григорьеву. Статья была сопровождена редакционными примечаниями, составленными одним Ф. М. Достоевским, так как к тому времени М. М. Достоевский уже умер. Обо всей статье было сказано, что «автор говорит здесь как бы от лица редакции». Основное же примечание было сделано к словам: «Так, Григорьев не мог никогда увлечься, подобно высокоталантивому Добролюбову, и признать гончаровского Штольца за какое-то нравственное совершенство, а бюрократическое произведение г-на Гончарова за решение, окончательное и безапелляционное, вопроса о русском человеке, единственно по случаю встречающегося в этом произведении слова „обломовщина“». Присоединяясь к Д. В. Аверкиеву, Достоевский продолжает: «Это и потому еще, что Григорьев был шире Добролюбова, шире, глубже и несравненно богаче одарен природою, чем Добролюбов. Добролюбов был очень талантлив, но ум его был скуднее, чем у Григорьева, взгляд несравненно ограниченнее. Эта узость и ограниченность составляла отчасти

⁴ Лит. наследство. Т. 83. М., 1971, с. 284. — К этому суждению примыкает и отрывочная запись в черновиках «Братьев Карамазовых»: «Напиши, что хоть дурное про русского человека, великим человеком тебя вознесут. Напиши, что ленив русский (Обломов), русский ли народ не работает» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 162).

силу Добролюбова...»⁵ Как видно из приведенных цитат, главным в романе Гончарова для критика журнала «Эпоха» и ее редактора была постановка «вопроса о русском человеке», причем особенно неприсплетема была для них буржуазная программа, нашедшая отражение в образе Штольца. В полемике же между Ап. Григорьевым и Добролюбовым по поводу «Обломова» Достоевский полностью становился на сторону Ап. Григорьева, и если признавал за позицией Добролюбова «силу», то находил, что Ап. Григорьев как вообще, так, конечно, и в данном случае «глубже» и «шире» его.

К анализу романа «Обломов» Ап. Григорьев обращается в четвертой статье своего цикла «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“». Сопоставляя «художественную идею» «Дворянского гнезда» с идеей «Обломова», Ап. Григорьев охарактеризовал роман Гончарова как «произведение огромного, но чисто внешнего художественного дарования» и отдал предпочтение в разрешении поднятой проблемы роману Тургенева. «Весь „Обломов“, — по мнению Ап. Григорьева, — построен на азбучном правиле: „возлюби труд и избегай праздности и лени — иначе владык в обломовщину и кончишь, как Захар и его барин“». Находя, что «после нескольких веков нашего тупого сна» напоминать это правило «весьма полезно», что такие люди, как публицист «Современника», «люди, живущие исключительно вопросами минуты, люди честные и благородные, но недальновидные, должны были обрадоваться этой теме...» и с яростью накинуться вместе с автором «Обломова» — и даже больше, чем сам автор, — на Обломовку и обломовщину», Ап. Григорьев считал наиболее важным аспектом, в котором прежде всего должен рассматриваться роман, сферу взаимоотношений героя с «почвой», народными началами. «Обломовка» или, по словам Ап. Григорьева, то, «что вы называете Обломовкой», для него не воплощение уклада крепостнического существования, с которым нужно бороться революционным путем, как для Добролюбова, а веками устоявшаяся русская народная жизнь во всем единстве противоречий. Рассекаемая «анатомическим ножом» отвлеченно взятого правила, «бедная обиженная Обломовка», — пишет Ап. Григорьев, — заговорит в вас самих, если только вы живой человек, органический продукт почвы и народности. Пусть она погубила Захара и его барина, — но ведь перед ней же склоняется в смиреннии Лаврецкий, в ней же обретает он новые силы любить, жить и мыслить. Он долго сближался с нею, пляясь охотником по полям, по трясинам и болотам; он с болью сердца (да простится мне, что я начинаю уже смешивать самого поэта с героем его последнего произведения) видел и видит ее большие места, ее запущенные язвы, — но он видит и то, что она неотделима органически от его собственного бытия, что только

⁵ Эпоха, 1864, № 8, отд. VIII, с. 1, 9—10.

на ее почве может он жить неискusstвенною, негальванической жизнью и, полный такого искреннего сознания, готов скорее идти в крайность положительного смирения перед нею, чем в противоположную крайность азбучного правила».⁶ Исходя из этого, в главе «Сон Обломова» Ап. Григорьев увидел зерно, «из которого родился весь „Обломов“», фокус, «к которому он весь приводится, для которого чуть ли не весь он написан». Отметив, что, прежде чем перенести читателя в «райский уголок зелени», автор контрастно изображает «несколькими штрихами мастерского карандаша» иную, петербургскую жизнь, Ап. Григорьев далее раскрывает свое восприятие «Сна Обломова», близкое, по всей вероятности, Достоевскому: «Вы чувствуете в манере изложения присутствие того искомого, спокойного творчества, которое по воле своей переносит вас в тот или другой мир и каждому сочувствует с равною любовью... И потом перед вами до мелких оттенков создается знакомый вам с детства быт, мир тишины и невозмутимого спокойствия во всей его непосредственности. Автор становится истинным поэтом — и, как поэт, умеет стоять в уровень с создаваемым им миром, быть комически наивным в рассказе о чудовище, найденном в овраге обитателями Обломовки, и глубоко трогательным в создании матери Обломова, и истинным психологом в истории с письмом, которое так страшно было распечатать мирным жителям „райского уголка зелени“, и, наконец, эпически объективным художником в изображении того послеобеденного сна, который объемлет всю Обломовку. Помните еще место о сказках, которые повествовались Илье Ильичу и, конечно, всем нам более или менее, которых нестрою и широко фантастическую канву поэт развертывает с такою силой фантазии? <...> Все это полный, художнически созданный мир, влекущий нас неодолимо в свой очарованный круг...»⁷ Таким образом, «Сон Обломова» предстал перед Ап. Григорьевым и Достоевским прежде всего как пропущенное через призму сна, согретое любовью поэтическое повествование о знакомом с детства и в то же время фантастическом мире «тишины и невозмутимого спокойствия», окруженном родной среднерусской природой и овеянным народными преданиями. Заметил, Ап. Григорьев в «Сне...» и «неприятно резкую струю иронии», но расценил ее как следствие «антипоэтичности мысли» романа в целом, по которой в жертву «штольцевщине и адуевщине» приносится то, что «все-таки выше» их.⁸ Видимо, в сходной художественной манере и на фоне, подобном охарактеризованному в статье Ап. Григорьева, и собирався Достоевский, воспроизвести высокие видения Раскольникова, переживающего состояние катарсиса, Племянника, одинокого, ушедшего в подполье, но тягущегося к людям, и стареющего писателя, размышляющего о «скоротечности жизни».

⁶ Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967, с. 325—326.

⁷ Там же, с. 328—329.

⁸ Там же, с. 329.

Обломова Ап. Григорьев трактовал не однолинейно: видя в нем жителя «ипого края», представителя Петербурга, не тоскующего и не ищущего подобно Лавроцкому своего пути к «почве», так как он не «живое, с муками и болью выношенное в душе поэта лицо», а «холодное отвлеченное различие однородных свойств и качеств в пользу теории»,⁹ критик вместе с тем в доказательство, «что далеко не все разделяют антипатию некоторых наших критиков-публицистов к характеру Обломова и симпатию их к Штольцу», привел «оригинально-прекрасный взгляд на характер Обломова»¹⁰ де Пуле из его неопубликованной статьи, при-сланной в журнал «Русское слово». Де Пуле сначала ссылаясь на мнение Штольца об Обломове, высказанное жене: «... в нем есть и ума не меньше других, только зарыт, задавлен он всякою дрянью и заснул в праздности. Хочешь, я скажу тебе, отчего он тебе дорог, за что ты еще любишь его? За то, что в нем дороже всякого ума: честное, верное сердце! Это его природное золото: он невинно пронес его сквозь жизнь. Он падал от толчков, ослалдался, заснул, наконец, убитый, разочарованный, потерял силу жить, но не потерял честности и верности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет наизуворот, — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа: таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердце не подкупить ничем; на него всюду и везде можно положиться. Многих людей я знаю с высокими качествами, но никогда не встречал сердца чище, светлее и прочее; многих любил я, но никого так прочно и горячо, как Обломова». Далее де Пуле ссылаясь на авторское раскрытие внутреннего мира души Обломова, плакавшего «над бедствиями человечества», испытывавшего «безвестные, безыменные страдания, и тоску, и стремления куда-то вдаль, туда, вероятно, в тот мир, куда увлекал его, бывало, Штольц», исполнившегося желанием бороться с «разлитым в мире злом», воображавшего себя непобедимым полководцем, сильнее Наполеона и Ерусалана Лазаревича, который «решает участь народов», и т. д., и т. п. «Итак, кто же Обломов?» — спрашивает де Пуле и отвечает: «Душа чистая, прозрачная, как хрусталь, поэт и поэт народный». Этот вывод де Пуле подкрепляет анализом «печальной повести» любви Обломова к Ольге. «Но эта превосходная поэтическая натура, — заключает де Пуле, — все-таки погибла от нравственной болезни и погрузилась в лень и апатию. Гибель эта была бы невозможна, если бы натура Обломова была иного свойства, если бы он не был поэтом».¹¹ Эта характеристика

⁹ Там же, с. 328, 326.

¹⁰ Там же, с. 333.

¹¹ Там же, с. 333—336.

нравственно-психологического облика Обломова, акцентирующая внимание на положительных сторонах его как патуры редкой по чистоте, доброте, поэтичности внутреннего мира, могла запомниться Достоевскому и способствовать впоследствии ощущению родства между Мышкиным и Обломовым. В целом статья А. Григорьева — опубликована она была в 1859 г. в «Русском слове», — по-видимому, помогла более четкому осознанию собственной точки зрения Достоевского на роман Гончарова, который оставил след в творческом воображении автора «Преступления и наказания» и «Идиота».

А. В. АРХИПОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И КИШЕНСКИЙ

Работа Достоевского на посту редактора газеты-журнала «Гражданин» в 1873—начале 1874 г. — важный этап в творческой биографии писателя. Первая статья из «Дневника писателя», печатавшегося в «Гражданине», — «Старые люди», написанная в декабре 1872 г., отражает те взгляды, с которыми пришел Достоевский в газету, связанную с именами В. П. Меццерского и К. П. Победоносцева. Демонстративный пересмотр своего прежнего отношения к утопическому социализму и к его виднейшим представителям, когда-то лично близким писателю, — пафос этой статьи.

Однако год спустя Достоевский вынужден признать, что его общественная позиция далеко не совпадает с позицией Меццерского. Порвав с «Гражданином», он устанавливает контакт с Некрасовым и начинает писать роман для «Отечественных записок». Завершение «Дневника писателя» 1873 г. статьей «Одна из современных фальшей» должно было показать Некрасову, что Достоевского ни в коей мере нельзя зачислять в число врагов лагеря «Отечественных записок».

Между этими двумя моментами: приходом в «Гражданин», с одной стороны, и уходом из газеты-журнала Меццерского, с другой, — насыщенный событиями и работой год жизни в России, редактирование крайне правой газеты с уже определенными традициями и сложившейся репутацией, встречи и контакты с различными людьми, доскональное изучение материалов о положении в стране и состоянии русского общества. Все это не могло не заставить Достоевского вновь пересмотреть многое в своих взглядах, вернее, в способе их выражения, так как основные свои убеждения Достоевский пронес неизменными через всю жизнь.

Одним из факторов, повлиявших на Достоевского, были, несомненно, знакомства с людьми, разделявшими ту реакционную платформу, на которую «Гражданин» встал с момента своего основания. Взгляды этих людей не могли не вызвать протеста Достоевского и не показать ему, что страстно искомую им правду